

Моральный кодекс строителя коммунизма и мораль религиозного человека

Беседа первая

Исторический XXII съезд КПСС принял программу строительства коммунизма в нашей стране. Особая радость и гордость охватывает советских людей, граждан первого в мире социалистического государства, которым под руководством партии коммунистов Советского Союза выпала великая миссия прокладывать пути к коммунизму. Для советского народа создание коммунистического общества стало не мечтой, а практической задачей, которая будет решена нынешним поколением советских людей.

Великая цель порождает великую энергию. С новой силой разгорается соревнование. Широкими шагами идут вперёд промышленность, сельское хозяйство, строительство, транспорт.

«Программа, — говорил на XXII съезде Н. С. Хрущёв, — указывает место каждого в ряду строителей коммунизма».

Эти слова одинаково относятся и к коммунистам, и к комсомольцам, и к беспартийным, и, добавим, к тем беспартийным, которые всё ещё считают себя верующими, ходят в церкви, молятся дома, справляют религиозные праздники, придерживаются религиозных верований и обрядов.

подавляющее большинство верующих участвует в общем поступательном движении нашего общества на пути к коммунизму. Они трудятся на фабриках и заводах, в колхозах и совхозах, есть среди верующих и работники интеллигентного труда.

Они иногда спрашивают: а чем религия мешает строительству коммунизма? Ведь в христианстве много такого, чего и коммунисты проповедуют, ведь сейчас русская православная церковь поддерживает такие общечеловеческие призывы передовой общественности и коммунистов, как разоружение, мир во всём мире, сосуществование и прочее.

С точки зрения верующего действительно *кажется*, что теперь церковь стала не той, что была раньше, что религиозные воззрения в нашей стране, являясь делом совести каждого, несколько не мешают строительству нового общества. А так ли это?

Ведь если *кажется*, то это ещё не то, что бывает *на самом деле*. И всегда ли верующие идут нога в ногу со всем народом? Не беда, что они отстают в строю, но бывает, что религиозные люди тормозят, мешают этому строю. Это не их вина, а их беда, которую накликано на верующих религиозное верование. Многие верующие не могут расстаться с убеждениями, сложившимися в детстве или в результате тех или иных жизненных трудностей. Они всю жизнь несут на себе груз религиозных предрассудков и пытаются передать его молодёжи, детям. И в то же время, повторяем, они уверены, что их религиозные предрассудки никому не мешают. Давайте разберёмся в этом. По мнению отдельных церковников, религиозная христианская мораль вечна для всех времён и народов. Мы не будем касаться всех религий, не будем касаться всех оттенков христианской религии. Мы посмотрим только, как русские православные христиане придерживаются своей морали, и сопоставим их религиозную мораль с нашей коммунистической моралью, так ярко и доступно изложенной в моральном кодексе строителя коммунизма.

---

*Васильев, С. Д. Моральный кодекс строителя коммунизма и мораль религиозного человека / С. Д. Васильев // Победа (Нагорье). — 1961; 1962. — 13 декабря; 14 декабря; 16 декабря; 23 декабря; 10 января; 12 января. — С. 4; 4; 3; 4; 4.

Беседа вторая

Ревнителю религиозной морали утверждают сейчас, что она не находится в противоречии с моралью коммунистической, ибо основная идея христианского вероучения, изложенная в евангелии, — братство и единение всех людей. И некоторые священники в своих проповедях подчёркивают «единство идей»: ведь и в моральном кодексе строителя коммунизма сказано — человек человеку — друг, товарищ, брат. Они говорят, что христианские заповеди «не убий», «не укради», «не прелюбодействуй», «люби ближнего, как самого себя» и другие одинаково хороши для верующих и неверующих. Они пытаются примирить нравственные принципы религиозных убеждений с коммунистической моралью. Однако эти попытки обусловлены явно негодными средствами.

Как известно, религиозная мораль всегда стремилась показать свою надклассовость. Священнослужители утверждают, что религиозная нравственность стоит выше классовой борьбы, выше личных и общественных интересов человека.

История же говорит, что религия всегда была классовая. Приведём несколько примеров из местной жизни, из жизни Переславского уезда, в который до 1929 года входила территория нынешнего Нагорьевского района. Поэтому то, что происходило во всём уезде, было типично и для района.

Заветной мечтой дореволюционного крестьянства было получить землю. Безземелье душило крестьян костлявой рукой голода. Вот как распределялась земля в Переславском уезде в 1905 году. В руках 370 помещиков, фабрикантов, купцов, церквей и монастырей было 142 тысячи десятин [155 141 га] земли, а у 14 с лишним тысяч крестьян 146,9 тысячи десятин [160 494 га].

Естественно, что когда вспыхнула революция 1905 года, крестьянство стало уже не просить, а требовать землю, отнятую в своё время царским правительством и розданную царедворцам-дворянам. Крестьяне Переславского уезда тоже включились в революционное движение. Они начали захватывать помещичьи земли.

И, конечно, священнослужители не поддержали крестьян, объявив это незаконным и бесчестным средством. По всем сельским церквям уезда были разосланы проповеди, в которых священники увещевали крестьян не трогать помещичьей земли, дескать «завладение чужой землёй насильем прежде всего есть страшный грех перед богом», — говорили священники с амвонов и призывали к смирению.

И только в октябре 1917 года, когда трудовой народ взял власть в свои руки, переславские крестьяне получили 102 тысячи десятин земли, принадлежавшей ранее помещикам, капиталистам и духовенству. Но как же завопили церковники! Они сразу позабыли свои увещевания от священного писания о «расширении поземельных владений законным путём». Церковники, в том числе и переславские, выступили против правительства рабочих и крестьян, признанного всем народом.

Контрреволюционные выступления переславского духовенства начались с первых дней советской власти и продолжались до 1930 года. Первым выступил священник села Нагорья Н. А. Богословский во время всенощной под «михайлов день» 20 ноября 1917 года, призвав верующих не признавать советскую власть.

Летом 1918 года «в волостях, смежных с Ярославской и Тверской губерниями... пытался развить контрреволюционную деятельность бывший офицер, сын священника Ф., призывавший население организовываться в боевые дружины для отпора красноармейцев, — докладывал 19 ноября 1918 года губернский инструктор Владимирского исполкома, — причём ему удалось в одной из волостей устроить разгон Совета».

Мятеж начался в Дмитриевском погосте ударом в церковный колокол и под провокационные крики: «коммунисты грабят церковь». Он перекинулся на Ильинское и Загорье, раздуваемый кулаками Конуркиными и священниками, забывшими заповедь «не убий». Только быстрое вмешательство отряда чекистов предотвратило кровопролитие.

Нет, не законность поддерживали переславские священнослужители, а добивались возврата собственного безмятежного благополучия.

Со всей яростью выступали переславские церковники и против колхозов. Так, накануне 20-летия Октября они подготовили поджоги колхозных складов, скотных дворов и необмолоченных скирд в Новосёлках, Василёве, Половецком, Вёсках и Новинцах.¹

¹ Северный рабочий. — 1937. — 28 декабря.

Можно и ещё бы привести примеры выступлений переславского духовенства против требований народа и его советской власти, но и из сказанного всё ясно. Факты показывают, что религиозная мораль служит ширмой для обмана верующих. Поэтому у морали коммунистической, оценивающей людей с точки зрения их пользы и способности бороться за построение коммунизма, не может быть ничего общего с моралью религиозной.

Беседа третья

Преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине, к странам социализма — первый нравственный принцип строителя нового общественного строя. Поэтому активное и сознательное участие в коммунистическом строительстве и является выражением коммунистической нравственности. Только при коммунизме каждый человек сможет всесторонне развиваться и полностью удовлетворить свои духовные и материальные потребности.

Следовательно, активный строитель коммунизма должен быть не только грамотным и культурным человеком, он должен всё время идти вперёд, двигаться в ногу с прогрессом науки и техники.

Но религия сдерживала и сдерживает эти стремления. Главная цель её — внушить верующим, что не на земное благополучие, а на приобретение «посмертного райского блаженства» должны быть направлены все их стремления. Религия объявляет, что существующий порядок вещей является творением всемогущего бога и всё, что есть на земле и во Вселенной, не может быть изменено или преобразовано людьми.

Особенно ополчается духовенство на науку и технику. «Идеал православия есть не прогресс, а преображение», — заявлял в своё время один из настоятелей Переславского Данилова монастыря архимандрит Илларион. Но почему же деятели церкви и верующие непоследовательны в своих суждениях? Отрицая прогресс, они тем не менее пользуются его плодами: электричеством, радио, автомобилями, самолётами и другими достижениями науки и техники.

Интересно в этом вопросе мнение магистра богословия протоиерея А. А. Осипова, бывшего профессора Ленинградской духовной академии:

Русское православие — самая отсталая в научно-прогрессивном отношении из всех христианских церквей мира. Русская православная церковь решительно отвергла все открытия науки... Она, пожалуй, единственная в целом мире с упорством, достойным лучшего применения, отстаивает взгляд на библейские мифы и предания, как на подлинную реальность... Она даже придерживается хронологии, уже 50 лет назад отвергнутой и пересмотренной мировой наукой. А православные богословы обязаны придерживаться во всём учения «святых отцов», то есть церковных писателей IV—VIII вв. нашей эры, как бы устарело с точки зрения современных знаний оно ни выглядело.

Но это, повторяем, говорит А. А. Осипов, который 3 декабря 1959 года нашёл мужество открыто уйти от церкви, от религии.

А вот другой свидетель. По его мнению, победа нашего народа и государства над фашистской Германией и её сателлитами произошла не потому, что народ защищал свою социалистическую Родину и идеалы коммунистической морали, не потому, что его армия имела в руках превосходную технику, созданную народом под руководством Коммунистической партии. Нет, «блестящие, невиданные и неслыханные в истории войны победы нашего воинства являются следствием особой, могущественной помощи Божьей нашим защитникам, и кровь, проливаемая нашими сынами за Родину, есть великая умиловительная жертва всего нашего народа».¹

Вдумайтесь в эти слова, особенно в последнюю фразу, что *кровь*, пролитая в войне, *есть жертва богу*, чтобы его умиловить, прося о победе. Каким атавизмом от неё несёт, какой божественной кровожадностью!

Мы не станем отрицать любовь верующих к своей Родине. Конечно, русские православные люди любят её. Но каков патриотизм верующих? Ведь высшее проявление религиозной морали сформулировано в евангелии так: «любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас». Эта евангельская заповедь не только аморальна, но и преступна. Какой же это патриотизм?

¹Речь патриарха Алексия // *Журнал Московской Патриархии*. — 1945. — № 2. — С. 42.

Любовь к Родине, к своему народу и непримиримость к врагам нашего народа, врагам мира и социализма — вот одно из высших проявлений коммунистической нравственности.

Беседа четвёртая

В моральном кодексе строителя коммунизма записано: «добросовестный труд на благо общества: кто не работает, тот не ест; непримиримость к несправедливости, тунеядству, нечестности, карьеризму».

А как может на это смотреть верующий человек с точки зрения религиозной морали? Все христианские священные книги подчёркивают, что труд — божья кара, наложенная на первых людей Адама и Еву, которых за грехи бог выгнал из рая и в наказание приказал в поте лица своего добывать себе хлеб, то есть трудиться. Выходит, что первейшая «земная» обязанность человека — самоотверженный труд — это, по мнению религии, «крест тяжких страданий». Вот что проповедует насчёт труда «святое» евангелие: «посмотрите на воронов: они не сеют, не жнут, нет у них ни хранилищ, ни житниц, и бог питает их; сколько же вы лучше птиц?.. Посмотрите на лилии, как они растут: не трудятся, не прядут, но говорю вам, что Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них... Итак не ищите, что вам есть или что пить, и не беспокойтесь. Наипаче ищите царствия божия, и это всё приложится вам».

Значит, труд, по мнению религии, как на благо отдельного человека, так и всего общества, вовсе не обязателен. Можно есть и одеваться, как видно из евангелия, не трудясь. А кому и как это давалось, поясним примерами из местной истории. Газета «Старый владимирец» в номере 223 за 1916 год поместила корреспонденцию, в которой говорилось, что «положение большей части сельских пастырей Переславского уезда более чем удовлетворительно. Причтовые земли отдавались крестьянам в более выгодное для батюшек испольное пользование. И земля давала им всё. Вообще, священник, имея безоброчную землю, казённое жалование и доход от треб, имел возможность жить недурно и жил, не черня и не мозоля рук...»

В голодные годы военного коммунизма, когда каждая крошка хлеба и аршин ситцу были на счету, когда даже дети не знали, что такое сытость, в Сольбинском монастыре во время обыска в марте 1919 года было найдено в амбаре «пудов 200 хлеба [3276 кг] и, кроме того, в тайном месте отыскали ещё 50 мешков муки, ржи 50 мешков, церковной серебряной утвари пуда два [33 кг], 500 аршин [355,6 м] холста... В монастырской кладовой оказались мука, масло постное, грибы, соль, а в игуменской — масло скоромное, яблоки, ландрин, кофе и другие».¹ Честно ли, справедливо ли это? Судите сами.

Но, может быть, это всё в прошлом? Нет, то же встречается и теперь. И сами священники, и приходские советы, и церковный «актив» смотрят на церковь как на кормушку, возле которой можно сытно жить, не работая на благо общества и не неся никакой гражданской ответственности. «Помню, — пишет бывший священник В. И. Розин в открытом письме епископу Исае, — когда я служил в храме Воздвиженья в селе Сидоркове Ярославского района, меня корбило от того ажиотажа, какой разыгрывается между членами церковного совета, когда они рвутся к церковной кассе. Помню, как пытался я усостыжить Чихарёва С. П. и жену его, взявших из церковной кассы две тысячи рублей. Они исправно молились, а денег так и не вернули».

Примеры комментариев не требуют. Нет, не общественно-полезный труд является высшим принципом религиозной морали, а слепая сила веры в бога.

«Если мы исполняем уставы, священные обряды, посты, праздники, как это делали святые, — поучает митрополит Николай, — значит, мы идём надёжным путём в жизнь вечную».²

Особый вред этого поучения состоит в том, что оно узаконивает для верующих безделье под видом «исполнения праздников и обрядов», во время которых верующие должны молиться.

Однако мы добавим, что, указывая «надёжный путь к получению вечного блаженства», духовенство отнюдь не забывает о своей земной жизни, как это рекомендует верующим. В 1960 году, например, Ярославская епархия получила дохода (в старых деньгах) 11 264 тысячи рублей, из которых нагорьевские верующие отдали церкви около 313 тысяч рублей. Принимая

¹ *Известия исполкома Владимирского Совета РК и КД.* — 1919. — № 54.

² *Журнал Московской Патриархии.* — 1949. — № 11. — С. 24.

во внимание, что в епархии содержалось 146 священников, нетрудно подсчитать их доход: более 77 тысяч рублей в год, или почти по 6 500 рублей в месяц на каждого. А найдутся ли среди верующих люди с таким заработком?

К тому же, по самым скромным подсчётам, за 11 месяцев 1961 года невыходы на работу богоугодников Нагорьевского района составили несколько тысяч рабочих дней.

Отсюда ясен тот огромный вред соблюдения религиозной морали, считающей труд «крестом господним», «наказаньем господним» и возводящей молитвенное безделье в высший принцип религиозной нравственности.

Беседа пятая

Забота каждого о сохранении и умножении общественного достояния, высокое сознание общественного долга, нетерпимость к нарушениям общественных интересов — эти нравственные принципы морального кодекса строителя коммунизма подчёркивают то новое, что внесла во взаимоотношения людей и общества Великая Октябрьская социалистическая революция — первая социальная революция на земле.

Общественное достояние, общественный долг, общественный интерес — этих понятий не знала, не знает и не может знать мораль других общественных формаций — рабовладельческого общества, феодализма, капитализма.

Поэтому религиозная мораль не упоминает и не обсуждает этих вопросов. А ведь в них-то с особой очевидностью раскрывается противоположность коммунистической и религиозной морали, классовая сущность их.

Любой человек, к какому бы он классу ни принадлежал, является частицей общества. Вопрос о месте этого человека в обществе, его отношение к коллективу можно решать только с классовой точки зрения. Христианство вообще, и православие в частности, возникнув и развившись в те времена, когда экономическим базисом была частная собственность, находившаяся в руках кучки господствующего класса, рассматривает отношения между людьми в обществе с точки зрения «я» и «моё».

Религиозные философы, понятно, понимают, что «мы» сильнее «я», что забастовка тысяч трудящихся против произвола капиталиста сильнее отказа от работы одного рабочего. Поэтому они всегда поддерживали авторитетом церкви законы царской России, запрещавшие подачу всяких жалоб, протестов или выступления коллективом, запрещавшие союзы и объединения трудящихся даже для экономической взаимопомощи.

Религия отвергает понятие коллектива, проповедует только индивидуализм. Классовая сущность религиозной морали раскрывается в её нравственных принципах, рекомендуемых людям «спасаться» в пустынях и дебрях, подальше от общества, в одиночку входить в общение с богом и презреть всю земную суету. Образцом самой высокой морали церковь считает поведение святых угодников, отцов церкви, апостолов.

И тут же, отвергая коллективизм, религиозные философы впадают в противоречие: и святые угодники, и нынешние религиозные люди не шагнут и шагу, чтобы не пользоваться трудом коллектива. Элементарные надобности — одежда, обувь, посуда — все эти предметы созданы коллективом, в каждом предмете заключена частица труда сотен и тысяч людей.

Однако те же религиозные моралисты, отвергая коллективизм, всегда поддерживали всякие объединения и союзы, способствовавшие усилению эксплуататорских классов. Церковники служили молебны и благословляли организационные заседания акционерных обществ, трестов и картелей капиталистов или организаций, борющихся с революционным движением.

Все знают провокационную роль православного священника Гапона — «организатора» рабочих, пославшего под царские пули тысячи доведённых до отчаяния петербургских пролетариев 9 января 1905 года.

Приведём несколько примеров и из местной жизни. В апреле 1907 года в Переславле-Залеском местные черносотенцы организовали отделение «Союза русского народа», во главе которого встали местные громилы С. Ильичёв, Филимонов и другие хулиганы-торговцы, избивавшие и терроризовавшие прогрессивную часть населения города. В Спасо-Преображенском соборе протоиерей А. А. Дилигенский отслужил молебен о «благополучной» деятельности «союза».

Там, где возникал пусть даже примитивный коллективизм, церковь стремилась взять его под свой контроль и направить объединение по нужному ей руслу. 21 февраля 1912 года

в деревне Скоморохово организовалось кооперативное общество «Бережливость». Во главе его встали местный священник Л. Ф. Веселовский и волостной старшина кулак Щагин.

Высокие нравственные принципы нашего времени — все способности человека на службу общественным интересам — чужды религии. Поэтому те, кто придерживается религиозной морали, вольно или невольно ставят свои «я» и «моё» в противоположность коммунистическим «мы» и «наше».

Беседа шестая

Как уже говорилось в предыдущих беседах, религиозная мораль христианства сложилась в том обществе, где господствовали эксплуататоры, главным понятием которых было «я» и «моё». Эти понятия сугубого индивидуализма особенно утвердились в эпоху капитализма с его моральным принципом: «человек человеку — волк». Религия освящает эти звериные принципы, провозглашая, что «каждый за себя, один бог за всех».

Коммунистическая мораль не имеет ничего похожего с этими эгоистическими расчётами и человеконенавистничеством. «Мы будем работать, чтобы вытравить проклятое правило: „каждый за себя, один бог за всех“...» — писал В. И. Ленин (Соч., т. 31, с. 103).

Моральный кодекс строителя коммунизма провозглашает: «коллективизм и товарищеская взаимопомощь: каждый за всех, все за одного; гуманные отношения и взаимное уважение между людьми: человек человеку — друг, товарищ и брат».

Прочитав эти строки, верующие могут спросить: «Позвольте, что же тут нового? Гуманнейшими заповедями господа являются: „возлюби ближнего, как самого себя“, „все люди — братья“ и другие подобные им».

Да, такие заповеди есть, но как они претворяются религией в жизнь.

После Великого Октября молодая Советская Россия подверглась иностранной военной интервенции, которая помогала белогвардейцам в стремлении восстановить сброшенный монархический строй. Вожди православной церкви во главе с патриархом Тихоном были в союзе с белогвардейцами и интервентами, а множество духовенства с оружием в руках выступало против рабочих и крестьян. В армии Деникина было около тысячи священнослужителей, у Врангеля — более 500, в колчаковской армии — несколько тысяч, не считая специальных отрядов, сформированных из монахов, священников, дьяконов — «полки Иисуса», «полки богородицы». Тысячи красноармейцев и сочувствующих советской власти людей были зверски замучены и убиты воинствующими церковниками.

Так претворяла в жизнь свои заповеди о братстве и любви русская церковь в годы гражданской войны. А вот ещё один пример, близкий к нашему времени.

Шла кровопролитнейшая война с вероломно напавшими на нас гитлеровцами. Стоял вопрос: быть или не быть первому в мире социалистическому государству, жить ли нам свободно или попасть в рабство к фашизму.

30 августа — 2 сентября 1942 года в Минске, занятом оккупантами, происходил церковный собор, на котором архиепископ Могилёвский и Мстиславский Филофей предложили послать благодарственную телеграмму Гитлеру за «освобождение от безбожников-большевиков» с пожеланием «быстрейшей победы». Вот вам и «любовь к ближнему», вот вам и «братство людей».

Религиозная мораль о любви и братстве насквозь лицемерна. Порождённая обществом, где главное — личное благополучие, где средством к достижению его являются деньги, нравственные принципы становятся с ног на голову.

Ради любви к ближнему религия запрещает бороться с ближним, если он угнетает тебя, ради братства проповедует единение рабочего и фабриканта, крестьянина и помещика.

«Святенья православная тем дорога, что учит „безропотно“ переносить горе! — писал В. И. Ленин (Соч., т. 5, с. 311). — Какая же это выгодная, в самом деле, для господствующих классов святенья! Когда общество устроено так, что ничтожное меньшинство пользуется богатством и властью, а масса постоянно терпит лишения и несёт тяжёлые обязанности, то вполне естественно сочувствие эксплуататоров к религии, учащей „безропотно“ переносить земной ад ради небесного будто бы рая».

Но это было, возражают церковники. А сейчас?

В том-то и сущность религиозной морали, что она несколько не изменилась, проповедует то же самое. Зачем улучшать земную жизнь? Стремитесь к жизни вечной, небесной, не това-

рищеской взаимопомощью в труде помогайте друг другу, а молитвой и милостыней, — говорят нынешние духовные пастыри.

Нравственного совершенства, утверждают защитники религиозной морали, можно добиться только вдали от интересов общества, ибо, как утверждает евангелие — царство божие не от мира сего и тот, кто желает в него попасть, не должен участвовать в мирской суете, где всё, что нас окружает — греховно по своей природе. Поэтому долой коллективизм. Каждый отвечает только за себя, каждый заботится сам о своём спасении. Так учит религия.

У морального кодекса строителя коммунизма с его принципами «каждый за всех, все за одного» и «человек человеку — друг, товарищ и брат» нет и не может быть ничего общего с елейными и лживыми религиозными заповедями любви к ближнему и братству людей, построенных на индивидуализме.